

Т.Х. МАРШАЛЛ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЛАСТИ¹

Мой интерес к власти вытекает из моего давнего интереса к правам. Меня, как, должно быть, и большинство наблюдателей, поражало, что в то время как в XIX в. (расширенном в должной мере в прошлое и в будущее) выдающимся достижением западных обществ было утверждение прав, на которых базируются свободные демократические системы, удивительнейшим феноменом XX в. стало рождение новых форм власти, или развитие старых ее форм в новых условиях. Хорошо известно, что возможность или даже вероятность обращения демократического процесса вспять на каком-то этапе его карьеры предвиделась уже давно, и самым известным глашатаем этой точки зрения после Платона и Аристотеля был Алексис де Токвиль. В наименее авантюрной своей форме эта теория довольствуется утверждением, что когда демократия становится тотальной, механизмы, оберегающие ее от посягательств со стороны потенциальных тиранов или олигархов, ослабевают, и, стало быть, массовая демократия *не защищена* от авторитаризма. В свете европейской истории текущего столетия вряд ли возможно отвергнуть это очень скромное утверждение. Интересны предлагаемые объяснения этой уязвимости. В них подчеркиваются, как правило, два момента.

Во-первых, утверждается, что массовое общество «аморфно» или даже «бесструктурно» (я привожу слова, которые действительно используются). Ему недостает тех опосредствующих носителей интересов и ценностей — неважно, политических, религиозных, экономических или социальных, — которые всегда были как основными центрами сопротивления, так и источниками позитивного действия. То, что автократы многократно в ходе истории намеренно разрушали опосредствующие центры интереса и потенциальной власти с целью упрочения собственной позиции, очевидно, и Бендикс более основательно исследовал этот вопрос в своем анализе роли «плебисцитарности» в строительстве нации. По поводу советской системы он пишет, что принципы тоталитарного правления «внедряют плебисцитарную идеологию

¹ Marshall T.H. Reflections on Power. Данная статья представляет собой текст лекции, прочитанной Маршаллом в 1969 г. по линии Британской социологической ассоциации. Впервые опубликована в журнале: *Sociology*. 1969. Vol. 3. № 2 (May). P. 141–151. Позже переиздана с небольшим комментарием («Afterthought») в сборнике: *Marshall T.H. The Right to Welfare, and Other Essays*. L., 1981. P. 137–156.

посредством действенного подавления организации по интересам, проистекающей из дифференциации социальной структуры»². Однако здесь говорится о том, что может сотворить с обществом дорвавшаяся до власти диктатура, в то время как теория уязвимости гласит, что само массовое общество готовит себя к принесению в жертву, заранее себя «деструктурируя». Этот тезис гораздо более спорный, и его с жаром оспаривает Шилз. Массовое общество, говорит он, есть «неизбежно дифференцированное общество, дифференцированное по функции, мировоззрению и привязанностям. Абсолютная гомогенность, которую усматривают критики массового общества, невозможна»³. Некоторые с Шилзом на этот счет не согласны. Мы слышим, что антиуниверситет открыл кружок по изучению способов «деструктурирования» общества, который совершенно естественно пришел к рассмотрению того, как «деструктурировать» антиуниверситет и, в конце концов, сам этот кружок⁴.

Теория уязвимости становится еще интереснее, когда в число опосредствующих группировок, от которых зависит дальнейшее существование демократической свободы, включаются социальные классы. Ибо можно не без оснований утверждать, что бесклассовость является состоянием, к которому демократическое массовое общество естественным образом тяготеет, даже если окончательно к нему не приходит. Я имею в виду любопытный пассаж, который содержится в главе «Бесклассовое общество» в книге Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма». Она утверждает, что классовая система в Германии помешала развиваться всеобщему чувству личной ответственности за то, какими способами управляется страна. Поэтому когда классу пришел конец (а она утверждает, что это так), оказалось нечем его заменить. «Падение охранительных классовых стен превратило бездействующие большинства, стоявшие за всеми партиями, в одну огромную, неорганизованную, неструктурированную массу разъяренных индивидов»⁵, и на этой волне во власть вехали нацисты. Я упорно пытался наглядно представить сцену, изображенную этими словами, но сделать это мне так и не удалось. Между тем следует напомнить, что Реймон Арон пользовался некогда очень похожими словами, но только в ином контексте — контексте Советского Союза. Там, говорил он, единственный вид бесклассового общества, который мы имеем возможность увидеть, и им управляет «объединенная элита», которая есть нечто отличное от правящего класса. В таких обстоятельствах, как эти, «бесклассовое общество оставляет массу населения без всяких возможных инструментов защиты против элиты»⁶. Но это опять-таки случай умышленного разру-

² Bendix R. Nation-building and Citizenship: studies of our changing social order. N.Y., 1964. P. 147.

³ Edward A. Shils, in: *Olson P.G.* (ed.). *America as a Mass Society*. N.Y., 1963. P. 44.

⁴ Richard Boston in: *New Society*. 16 May 1968. P. 702.

⁵ *Arendt H.* *The Origins of Totalitarianism*. L., 1958. P. 313–315.

⁶ *Aron R.* *Social Structure and the Ruling Class II* // *British Journal of Sociology*. Vol. I. 1950. P. 131.

шения опосредствующих органов уже существующей диктатурой. Он не имеет отношения к последствиям спонтанного развития массовой демократии в сторону упразднения классовых лояльностей. Я не вижу свидетельств в пользу воззрения, что этот процесс разрушает способность общества сопротивляться установлению авторитарного правления, или, выражаясь иначе, что социальный класс находится в исключительном или даже уникальном положении главного защитника свобод всех от посягательств немногих. Я не считаю, например, что нынешний подъем уэльского и шотландского национализма, выступающего от имени основополагающих свобод, черпает свою жизненную силу в классовой структуре этих двух обществ. Что социальные классы защищают особенно хорошо, так это привилегии.

Второй аргумент в пользу теории уязвимости — это известный аргумент, что массмедиа подрывают способность к самостоятельному мышлению и дают средства, с помощью которых властолюбцы могут устанавливать контроль не только над поступками людей, но и над их умами. Это есть принуждение без применения силы, и Этциони, насколько я понимаю, классифицировал бы его как осуществление «символической власти». Абрахам Каплан использует более резкие выражения: «Гораздо чаще добродетель отступает перед соблазном, чем перед насилием, и всякий, кто проявляет заботу о добродетели, должен уделять особое внимание средствам, позволяющим заручиться согласием»⁷. Сегодня образцовым злодеем стало телевидение. Постоянное сидение перед телевизором и в самом деле может оказывать отупляющее воздействие, хотя является ли оно более отупляющим, чем воздействие рутинной работы, поездок в час пик и прочих прелестей индустриально-городской жизни, — вопрос спорный. Обычно утверждается (возьмем формулировку Клэппера), что массовая коммуникация «выступает агентом закрепления гораздо чаще, чем агентом изменения»⁸. Последние исследования наводят на мысль, что это преувеличение. Массмедиа на самом деле изменяют мнения; но во многих случаях происходит также и их закрепление. Иначе говоря, массмедиа (в частности телевидение), бомбардируя публику информацией, во многом совершенно новой, и идеями, какие-то из которых новые, а какие-то очень старые, активизируют вопрошание внутри индивидов и дебаты между индивидами, результатом которых могут быть либо изменение, либо закрепление мнений. До тех пор, пока действуют оба процесса, следствием является не «деструктурирование» общественного мнения, а скорее укрепление идентичности существующих культурных групп, или групп мнений, и содействие появлению новых. В конце концов, телевидение — двусторонний процесс, и власть, которую осуществляют политики и иного рода

⁷ Abraham Kaplan, in: Kahn R.L., Boulding E. (eds.). Power and Conflict in Organisations. L., 1964. P. 31.

⁸ Klapper J.T. The Effects of Mass-Communication. N.Y., 1962. P. 15.

ораторы над аудиторией, сталкивается с соответствующей властью, которую осуществляет аудитория над политиками, остро сознающими риск «пролететь» на выборах. И еще никогда не было такого, чтобы гражданин простым щелчком выключателя мог заставить умолкнуть и исчезнуть премьер-министра. Я склонен согласиться с Эйданом Кроули, что телевидение является бастионом демократии — но только до падения демократии, после чего оно может стать орудием тирании.

Уязвимость означает неэффективность сопротивления. Некоторые идут дальше и настаивают, что массовая демократия вообще не оказывает никакого сопротивления концентрации власти в авторитарной форме, а напротив, к ней приглашает или даже ее требует. Говоря «приглашает», я имею в виду, что она естественным образом вползает в ситуацию, благоприятную для ее появления. Говоря «требует», я имею в виду, что она осознанно к ней призывает. Эти два уровня потворствования ясно отмечаются Токвилем в его оценке американской демократии, какой он ее увидел. Он считал, что она «предоставляет редкие возможности для установления деспотизма». Но он пошел дальше, высказав общее суждение, что демократические нации «часто испытывают ненависть к конкретным представителям центральной власти, но они всегда любят саму эту власть»⁹. Аргументируется это, насколько я понимаю, следующим образом. Тотальная демократия предстает перед народом, создавшим демократическое государство, как система, позволяющая ему формировать свой образ жизни согласно выбранной им самим модели. Это средство не сохранения прошлого, а сотворения будущего; но это предполагает действие в сфере неопределенности, где никогда нельзя быть уверенными, что все выйдет именно так, как было задумано. Поэтому огромная ответственность ложится на государство, единого верховного исполнительного агента. Когда нужно что-то сделать, государство отвечает за то, чтобы это делалось, или за надзор за тем, чтобы это делалось; если же что-то идет не так, государство считается ответственным за то, что позволило этому произойти. Ответственность первого типа (назовем ее ответственностью А) подразумевает власть, необходимую для выполнения задачи. Ответственность второго типа (ответственность В) означает подотчетность перед нижними уровнями политической структуры. Тем, кто находится наверху, она кажется ответственностью перед массой, выражающей одновременно множество раз-

⁹ Tocqueville A. de. Democracy in America. L., 1862. Vol. II. P. 354, 378. (Цитаты даны по рус. изданию: Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 495, 485. В цитируемом переводе содержится ряд неточностей. Так, Токвиль говорит не «предоставляет», а «может предоставлять», и не «к конкретным представителям центральной власти», а «к тем, в чьих руках находится центральная власть». Эти неточности всерьез искажают выраженное в оригинале понимание власти и того, как она связана со своими носителями. Обратим внимание на то, что сам способ говорения о власти может задавать границы для ее осмысления и изучения. — Прим. перев.)

ных взглядов, по большей части невежественных, некомпетентных и не имеющих отношения к делу. Это невыносимо. Дабы взять на себя ответственность *A*, государство должно отвергнуть ответственность *B*, а это означает авторитарное правление. Этот процесс набирает силу постепенно, и когда Бертран де Жувенель писал свою книгу «Власть», он полагал, что уже наступил момент, когда демократия «в той централизованной, ограничивающей, абсолютистской форме, которую мы ей придали, явно чревата тиранией»¹⁰.

Теперь я перехожу ко второму шагу в перенесении внимания с прав на власть. Я задал себе — и предварительно попытался ответить на — следующий вопрос. Если мы примем точку зрения, что массовой демократии по крайней мере грозит реальная опасность рухнуть под напором авторитарного правления, то какие из прав, с трудом ею отвоеванных, окажутся вероятнее всего самыми эффективными в отведении этой угрозы или в отнятии у агрессора плодов его мнимой победы? Первой на ум приходит мысль, что, поскольку на кону стоит политическая власть, сопротивление должно исходить прежде всего со стороны политических прав. Затем мы вспоминаем, что в спорах, развернувшихся в свое время между консервативным антифашистом Москкой, разочарованным либералом Парето и скатившимся к фашизму леваком Михельсом, некоторые из самых сильных аргументов отсылали к бессилию электората и бесполезности голосования как орудия борьбы с властью правящего класса, политической элиты или партийной олигархии. В этом воззрении, несомненно, есть зерно истины, но его, на мой взгляд, преувеличивают. Между тем я не предлагаю сейчас затевать обсуждение этой общеизвестной позиции. Я хотел бы заострить внимание на другом.

Политические права в представительной демократии могут функционировать в полную силу только в одной точке и только через один институт — национальный суверенный парламент. Правда, они функционируют также второстепенным образом на уровне локального сообщества и, что еще важнее, на уровне государства в федеральной системе. Но конечная власть все равно сосредоточена в центре. Короче говоря, у политического тела есть одна-единственная голова, у единственной головы — одна-единственная шея, и эта единственная шея может быть перерублена одним ударом. История показывает нам, что эта операция не так уж и сложна; одним из первооткрывателей этого был Кромвель. С тех пор вместо отсечения головы стало более принято так ее уродовать, чтобы она по собственной воле вела себя вполне послушно. Таким образом, политические права могут быть выведены из строя уже на относительно ранней стадии конфликта.

Что касается социальных прав — т.е. прав на благосостояние, в самом широком смысле слова, — то они вообще не предназначены для осуществления власти. В них, как я уже много лет назад подчеркивал, отражается силь-

¹⁰ Jouvanel B. de. Power. The Natural History of its Growth. L., 1948. P. 23.

ный индивидуалистический элемент, заключенный в массовом обществе, но элемент этот относится к индивидам как потребителям, а не как актерам. Потребители мало что могут сделать, разве что, уподобившись Оливеру Твисту, «попросить побольше», и влияние, которое политики могут оказать на общественность, обещав это дать, обычно больше того влияния, которое граждане — или люди, заботящиеся о такого рода вещах, — могут оказать на политиков, потребовав этого. Для доказательства того, что социальные права не представляют для тоталитарных режимов никакой опасности и даже, более того, в них расцветают, достаточно заглянуть за железный занавес.

Гражданские права по характеру совершенно иные. Они, конечно, столь же индивидуалистичны, сколь и социальные права, но относятся к индивиду как актору, а не как потребителю. Они включают право на свободу мысли, слова, вероисповедания, собраний и объединений, право на владение собственностью и на заключение и обеспечение исполнения соглашений, но прежде всего право на справедливость¹¹, или верховенство закона. Они дают внешнее выражение принципам, интернализируемым на ранних стадиях социализации. Тем самым они становятся частью личности индивида, всепронизывающим элементом его повседневной жизни, неотъемлемым компонентом его культуры, основанием его способности действовать социально, и творцом тех условий среды, которые делают социальное действие возможным в демократической цивилизации. Во-вторых, они рассредоточены по множеству институтов, а не функционируют, как политические права, через единственный институциональный комплекс. Они вовсе не зверь с одной шеей, а многоголовая гидра, и если вдруг диктатор отрубит одну голову, на ее месте, пока он берется за следующую, скорее всего вырастет новая. Чехам удавалось в течение какого-то времени после русской оккупации демонстрировать, как именно это может происходить. В-третьих, гражданские права, хотя и принадлежат индивидам, используются для создания всякого рода групп, ассоциаций, корпораций и движений. Они служат основой политического и социального плюрализма. Ибо в конечном счете, как говорил Шилз, «правовым порядком, который гарантирует плюралистическое общество, является верховенство закона»¹².

Итак, в чисто дефиниционном смысле плюрализм — антитеза унитарной власти, или тоталитарного режима, и такие режимы должны пытаться либо его разрушить, либо поставить его каким-то образом под контроль. Корпоративное фашистское государство Муссолини задумывалось как фор-

¹¹ Многозначность слова *justice* позволяет переводить термин *right to justice* как «право на справедливость», «право на справедливый суд» или «право на правосудие». Все эти варианты сегодня в той или иной мере используются. — Прим. перев.

¹² Shils E.A. The Torment of Secrecy: the background and consequences of American security politics. L., 1956. P. 160.

ма контролируемого плюрализма. В Советском Союзе, согласно Бжезинскому, «задачей революции является распыление всех существующих социальных единиц с целью заменить старый плюрализм гомогенным единодушием»¹³. Между тем есть разные мнения по поводу того, насколько он гарантирует демократию по существу, а не просто как конституционную форму. Как говорит по этому поводу Даль, «для кого-то плюралистическая демократия с расценными в ней неравенствами — это голова без тела; для кого-то — тело, лишенная головы»¹⁴. А Миллис, как известно, утверждал, что в демократической системе Соединенных Штатов, где плюрализм цветет пышным цветом, развился свой особый тип властной элиты. Как бы там ни было, меня на этой стадии моих размышлений интересует то, что гражданские права, в отличие от социальных прав, и более сложным, диффузным и глубинным способом, нежели политические права, влекут за собою власть. Связь между ними настолько тесна, что картина, рисуемая нами, будет, на мой взгляд, вернее отражать реальность, если мы будем мыслить гражданские права не столько как средство, которое может быть использовано для создания власти, сколько как форму самой власти. И коли уж я это сказал, то мне, разумеется, придется сойти с утопанной тропы размышлений, скинуть удобный выходной костюм и погрузиться со всей решимостью в студёные воды определения.

Как и в случае большинства социологических определений, мы начинаем с Макса Вебера. Он определял власть (*Macht*) как любой (*«jedes»*, не *«die»*) шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопротивлению, на чем бы такой шанс ни был основан. Далее следует определение (в других местах имеются и другие) господства, или *Herrschaft*, как шанса встретить повиновение у определенных лиц приказу известного содержания¹⁵. *Macht* является родовым термином, в самом широком возможном смысле, тогда как *Herrschaft* — более специфическим, обозначающим порядок подчиненности в организации или право претендовать на повиновение, которое, по словам Дарендорфа, связано с социальной позицией или ролью¹⁶. Обычно слово *Herrschaft* переводят на английский язык как «authority» [«господство», «авторитет»], и трудно подыскать лучшее слово, но у него есть два недостатка. Во-первых, оно имеет тот явный недостаток, что употребляется также в другом смысле, обозначая могущество или влияние эксперта или лидера. Во-вторых, оно подразумевает легитимность,

¹³ Brzezinski Z.K. Ideology and Power in Soviet Politics. L., 1962. P. 15.

¹⁴ Dahl R.A. Who Governs? Democracy in an American City. New Haven, 1964. P. 89.

¹⁵ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1956. Bd. 1. S. 28. (Русские версии веберовских определений даются в переводе А.Ф. Филиппова. См.: Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 137.)

¹⁶ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. L., 1963. P. 166.

и, действительно, часто говорят, что Вебер определял *Herrschaft* как легитимную власть. На самом деле он этого не делал. Он говорил, что обладатели *Herrschaft* склонны претендовать на легитимность и что в отсутствие ее их власть была бы неустойчивой. Вместе с тем он отмечал, что многие люди повинуются господству по причинам, в которых легитимность не играет никакой роли. Его интересовал источник веры в легитимность — т.е. субъективного фактора, который поддерживает господство, будь то легальное, традиционное или харизматическое, — а не возможность сказать, является ли то или иное господство легитимным или нет, в некоем абсолютном и объективном смысле. Это подняло бы щекотливую во всех отношениях проблему консенсуса.

Власть, говорит Дарендорф, «сущностным образом привязана к личности индивидов». Это, на мой взгляд, слишком сужает родовой характер данного понятия. Я бы сказал, что власть относится к рамке соотношения социального действия, а господство — к структурно-функциональному анализу социальных систем. В случае бюрократических организаций, которые Вебер прежде всего имел в виду, английское словоупотребление обнаруживает это различие, когда использует *power* (в единственном числе) для обозначения «власти» человека, а *powers* (во множественном числе) — для обозначения «полномочий», присущих его должности. Власть измеряется в соотношении с континуумом; полномочия располагаются в узловых точках прерывной артикулированной структуры. В связи с этим показательны исследования частных случаев, используемые Мишелем Крозье для иллюстрации его теории бюрократии, если, конечно, я правильно его понял¹⁷. Конфликты и маневры, которые он описывает, представляются скорее примерами борьбы за власть между индивидами или классами индивидов, нежели примерами споров вокруг полномочий — или того, что у немцев называется *Kompetenzstreit*. Хотя исход такой борьбы часто может приводить к изменению в формальном распределении полномочий.

Мысль о том, что власть относится к рамке соотношения социального действия, можно развернуть дальше, взглянув на еще одну проблему, которая вызвала оживленную научную полемику. В формулировке Арнольда Роуза эта проблема состоит в том, следует ли говорить о «власти как потенциале» или о «потенциале к власти». Отловив, разложив по полочкам и тщательно изучив все образцы, обнаруженные в литературе, Роуз сделал выбор в пользу второго — потенциала к власти¹⁸. Так же, полагаю, поступал Вебер. Это значит, что власть заключена в действии, а не в потенциальной возможности действия. Перевод Вебера, выполненный Хендерсоном и Парсонсом, прячет от взора этот момент, вставляя слова «is in a position to» [«в состоянии», «имеет возможность», или «находится в положении, позволяющем»] перед слова-

¹⁷ Crozier M. The Bureaucratic Phenomenon. L., 1964. См. особенно p. 145–165.

¹⁸ Rose A.M. The Power Structure: Political Process in American Society. N.Y., 1967. P. 46–53.

ми «carry out his own will» [«осуществить свою волю»]. Но власть создается именно деланием чего-то, а не нахождением в положении, позволяющем это сделать. Это важное различие, поскольку потенциал к власти может существовать, не осуществляясь. Одна из причин этого состоит в том, что, как отмечает Вебер, есть несколько видов потенциала, в том числе физическая сила, личность, компетентность в каком-то деле, эротическое обаяние (оно у Вебера упоминается), официальное положение и экономические ресурсы. И хотя любой из перечисленных является подлинным потенциалом, объем власти, который он способен породить, может зависеть от его соединения с другими потенциалами. Так, эффект, производимый мудрыми словами, очень во многом зависит от трибуны, к которой имеет доступ оратор. Власть, осуществляемая должностным лицом, вытекает не только из авторитета, присущего его должности, но также из его личной способности воспользоваться этим авторитетом.

Во-вторых, полная активизация потенциала к власти может сдерживаться нормативными факторами или привходящими обстоятельствами. Как говорит в пьесе «Мера за меру» Изабелла, обращаясь к Анджело:

*«Счастлив, кто великана мощь имеет,
Но тот жесток, кто пользуется ею
Как грозный великан»¹⁹.*

Тем, что не позволяет великану вести себя подобно великану, может быть интернализированная система ценностей, общественное мнение или знание того, что реакция на это в долгосрочном плане будет губительной для его целей. Нет в сегодняшнем мире ничего примечательнее, чем бессилие могущественных. Во Вьетнаме, в Чехословакии, на улицах Парижа мощь американцев, русских и французской полиции могла бы быть неотразимой, когда бы использовалась на полную катушку. Но она не может так использоваться. Мы пришли или, скорее, вернулись к той точке, когда совершение революции с помощью булыжников и сидячих демонстраций протеста стало реальной возможностью.

Это отступление, посвященное определениям, я завершу разграничением трех типов власти, особенно важных для моей темы. Во-первых, есть простое веберовское понятие *Herrschaft*. Это «власть над», или власть отдавать приказы, которым обычно будут повиноваться. Она может порождать конфликт, может провоцировать и преодолевать сопротивление, но суть ее не в этом. Суть ее в том, что она есть элемент в системе координированного действия.

¹⁹ *Shakespeare W.* Measure for Measure. L., 1965. Act 2. Scene 2. (Цит. в переводе Т. Щепкиной-Куперник по изданию: *Шекспир У.* Мера за меру // Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. А. Смирнова, А. Аникста. Т. 6. М., 1960. С. 196.)

Во-вторых, есть власть, вытекающая из обладания редкими ресурсами, особенно в делах экономических. Она выражается через торг, который, в отличие от *Herrschaft*, является по сути своей отношением конфликта. Вебер склонялся к трактовке ее как разновидности *Herrschaft*, но затем отказался от этой идеи, поскольку она могла предполагать, что рабочие обладают над работодателями таким же типом власти, каким работодатели обладают над рабочими; и эта мысль немало его смущала. Поэтому он заключил, что элемент *Herrschaft* в промышленных отношениях появляется лишь тогда, когда торг закончен и работник приступил к работе. Чего, на мой взгляд, Вебер не заметил, так это того, что конфликтное отношение торга-власти остается в новой ситуации всегда присутствующим, хотя зачастую латентным элементом и сосуществует с отношением господства, для которого конфликт не существует, а случаен, и оказывается иным по типу, когда происходит.

В-третьих, есть вид власти, который можно описать только как остаток веберовского родового типа, остающийся после того, как из него были изъяты специфические формы. Это польза, извлекаемая из способности к успешному действию; «способность» здесь означает как собственно способности (faculties), так и способствующие условия (facilities), т.е. фактически их объединение для действия в ситуации, в которой действие этого вида имеет, говоря веберовским языком, «шанс» на успех. Этот вид власти довольно похож на индивидуальную версию парсонсовского понятия коллективной власти как слаженного усилия по достижению общих целей. Но еще ближе, на мой взгляд, он стоит к весьма занятному в плане именованного дарендорфовскому понятию «ассерторической» свободы²⁰, с которым я познакомился, признаюсь, совсем недавно.

Это возвращает меня к основной линии моего рассуждения, к той точке, когда я сказал, что гражданские права полезно рассматривать как форму власти. Подразумевался именно этот вид власти, который я только что описал. Ибо он обозначает вид действия, возможный для граждан, чьи способы мышления и поведения и оценка желательного и возможного сформировались под влиянием установившейся системы гражданских прав и их впитывания в их социальную личность. Я предлагаю обсудить далее это понятие в контексте темы, которой я владею не очень хорошо, а именно в контексте недавней истории и нынешнего положения в Соединенных Штатах Америки. И делаю я это по двум причинам. Во-первых, потому что нет ни одной страны, в которой придавалось бы большее значение святости гражданских прав как бастиону демократической свободы, и ни одной современной демократии, в которой бы эти права подвергались столь суровому испытанию, как в разгар маккартизма. Во-вторых, потому что именно в Северной Америке родилось движение, которое открыто требует власти на основании не-

²⁰ *Dahrendorf R.* Essays in the Theory of Society. L., 1968. P. 185.

достаточности прав, — движение под названием «власть черным». А как насчет «власти студентам» и прочих подобных лозунгов и выражений, недавно обретших популярность? Не присутствует ли в них что-то общее?

Выдающимися чертами американской конституции являются огромный объем власти, вверенной президенту, и страстное, подчас самоубийственное настаивание на неприкосновенности гражданских прав, или свобод, индивида. Говоря «самоубийственное», я имею в виду, например, то, как в начале XX в. остановилась и задохнулась кампания за принятие законов, ограничивающих и контролирующих использование детского труда в промышленности, а те достижения, которые эта кампания принесла, были затем частично отменены во имя этих священных свобод. Гражданские права были, так сказать, подняты на борьбу с социальными правами. С тех пор многое изменилось, но Соединенные Штаты все еще сохраняют некоторую слабость по части социальных прав, и в недавней баталии вокруг «бесплатной медицинской помощи» для престарелых вновь были пушены в ход некоторые старые аргументы. В политическом плане Америку иногда приводят в качестве образца те, кто отрицает эффективность политических прав; они исходят, помимо всего прочего, из предположения, что люди, пользующиеся ими в Соединенных Штатах, оказываются беззащитными перед разными переменчивыми ветрами, далеко не всегда такими похвальными, как «ветер перемен», несущий общество к новым горизонтам прогресса.

Президент как глава администрации и вооруженных сил пользуется максимальной властью при минимальной формальной подотчетности — до тех пор, пока не выдвигается на переизбрание. Конституция требует, чтобы он обращался в Конгресс с запросами о принятии нужных ему законов, принятие которых в более или менее нетронутым виде он обычно способен в конечном счете продавить, и он может накладывать вето на законы, ему не нужные, или спускать их на тормозах. Даже президент Эйзенхауэр, бывший далеко не самым сильным человеком на политической сцене, говорил, что отправляет в Конгресс законодательные инициативы не для того, чтобы «чем-то занять свое время или произвести хорошее впечатление», а для того, чтобы всеми способами добиться их принятия, ибо именно ради этого он пришел в Белый дом и именно это он намеревался сделать²¹. Но самой примечательной чертой позиции президента является то, что президент — единственный возможный носитель (*repository*) чрезвычайных полномочий, и именно он решает, когда возникает чрезвычайная ситуация. Неудивительно, что уникальная позиция, уполномочивающая его, а не какой-либо другой конституционный орган, на выполнение этой задачи, дает ему также возможность неуклонно расширять круг своих дискреционных актов в нормальные времена. Попахивает изворотливостью от следующего

²¹ *Rossiter C.L.* The American Presidency. N.Y., 1956. P. 112.

пассажа из автобиографии первого Рузвельта: «Я отказывался согласиться с тем, что вещи, настоятельно необходимые для Нации, не могут быть сделаны президентом до тех пор, пока он не сможет получить на это какую-то особую санкцию... Я не узурпировал власть, но существенно расширил использование исполнительной власти»²². А второй Рузвельт, как нам говорят, «довел президентство военного времени до захватывающих высот господства над американской экономикой и социальным порядком»²³. Невозможно подобрать лучший пример для того случая, когда *власть* лица, занимающего должность, изменяется независимо от *полномочий*, присущих самой этой должности, если воспользоваться введенной мною ранее терминологией.

И все же, хотя политика президента является сегодня объектом яростной критики с различных сторон, не поступало, насколько мне известно, ни одного серьезного предложения о сокращении полномочий, присущих его должности. Напротив, все кандидаты на эту должность громогласно заявляют о том, что «я сделаю, когда стану президентом», и сам этот язык предполагает, что они будут способны и уполномочены делать именно то, что они хотят, стоит только им войти в Белый дом. Клинтон Росситер, возможно, был прав, когда говорил лет 20 назад, что «установилось позитивное состояние, и отныне конституционный акцент будет делаться на власти, а не на ее ограничении»²⁴.

Большинство американцев, вероятно, согласилось бы, что основу защиты демократии от авторитарного правления составляют гражданские права. Они освящены первой и пятой поправками к Конституции. Первая устанавливает незыблемость таких основополагающих свобод, как свободы слова, печати, вероисповедания, петиций и собраний; даже законодательные акты Конгресса не вправе на них посягать. Пятая, в свою очередь, содержит утверждение, что ни один человек не может быть лишен «жизни, свободы или собственности иначе, нежели в надлежащем судебном порядке». Нельзя сказать, что эти две опоры американской политики стоят сегодня не тронутые временем и историей, но было бы неверно отрицать, что они все еще служат опорами, и притом очень важными. Их характер и значимость превосходно рассмотрены профессором Александром Майклджоном²⁵. Его утверждение, что свобода, провозглашенная первой поправкой, и свободы, установленные в пятой, совершенно различны по типу и конституционному статусу, возможно, трудно будет отстаивать, однако аргументы, которые он выдвигает, ка-

²² *Heren L.* The New American Commonwealth. L., 1968. P. 17.

²³ *Rossiter.* Op. cit. P. 25.

²⁴ *Rossiter C.L.* Constitutional Dictatorship. Crisis Government in the Modern Democracies. Princeton, 1948. P. 314.

²⁵ *Meiklejohn A.* Political Freedom: The Constitutional Powers of the People. L., 1966.

жуются мне в целом проясняющими суть дела²⁶. Он проводит различие между условиями, необходимыми для того, чтобы гражданин был способен вести обычную жизнь, — а именно личной свободой и правом собственности — и менее материальными и более глубоко внутренними свободами, прототипами которых являются свободы слова, мышления и веры. Насколько я понимаю, те и другие, с его точки зрения, служат условиями, в которых вырастает и выражает себя индивидуальная личность, а также основой коллективного поведения граждан в самоуправляемой демократии. Он называет их «публичными «властями», посредством которых граждане сами управляют собой». Он употребляет красноречивую фразу, что первая поправка запрещает «искажение мыслительного процесса сообщества»²⁷. Мыслительный процесс, о котором идет речь, есть процесс действия и начало всех манифестаций власти. Совокупность свобод является составной частью гражданской культуры, более фундаментальной, чем просто внешняя сумма прав. И более фундаментальной, чем политические права, для которых свободы создают необходимую основу. По словам м-ра Джастиса Блэка, они «абсолютно необходимы для сохранения свободного общества, в основу управления которым положено согласие информированных граждан»²⁸.

Я предполагаю, что обособление движения «власть черным» от движения за гражданские права вытекает из того факта (неважно, признается он открыто или нет), что люди, потребовавшие для себя власти, находятся в положении, в котором формальное распределение гражданских прав не смогло бы произвести той амальгамы прав и власти, которой, как я утверждал, наслаждаются люди, получающие в наследство полный комплект гражданской культуры. Поэтому участники этого движения напрямую устремляются к власти, минуя права. И самое главное здесь — решить, какого рода власти они стремятся достичь.

Никакие обобщения здесь невозможны. Никто не может точно сказать, какие цели преследуют участники бунтов в больших городах и как они связаны (если вообще связаны) с явными, организованными движениями, чьи лидеры отказываются нести за них ответственность. Даже лидер черных мусульман достопочтенный Илайджа Мухаммед, предвидящий господство чернокожих над миром, не проповедует насилие. Он считает (или, по крайней мере, говорит), что когда-то в прошлом «черную» человеческую расу победили и поработили «выцветшие», неестественные белые, которым было дано

²⁶ Это различие подчеркивается языковыми средствами, не передаваемыми по-русски: применительно к свободе, о которой идет речь в первой поправке, употребляется слово *freedom*, применительно к свободе, о которой говорится в пятой поправке, — слово *liberty* (оба слова употребляются как в единственном, так и во множественном числе). — *Прим. перев.*

²⁷ *Ibid.* P. XV, 27.

²⁸ *Ibid.* P. XXI.

править шесть тысяч лет. Этот период завершился в 1917 г., но был продлен, дабы дать черным расам возможность занять более надежные позиции. Затем белые, отжив отведенный им срок, будут разбиты и стерты с лица земли Всемогушим²⁹. Между тем движение черных мусульман организовано как миссионерская церковь, и его достижения в работе с обращенными весьма удивительны. Ему удается, говорит Джеймс Болдуин, «исцелять и возвращать на путь истинный пьяниц и наркоманов, обращать вышедших из тюрем людей в свою веру и удерживать их от преступных дел, делать мужчин невинными, а женщин добродетельными», и все это оно делает, развивая в каждом «чувство собственного достоинства и спокойствие, сопутствующие им как неугасимый свет»³⁰. Наиболее удивителен случай Малкольма Х, который отверг прежнюю жизнь, полную отвратительных пороков и преступлений, ради того, чтобы стать черным мусульманским священником, а позже обратился уже в настоящий ислам. Он начал проповедовать всеобщую любовь и расовое сосуществование и был злодейски убит, выступая в переполненном зале.

Общим для черных мусульман (особенно в их душеспасительной работе) и других выразителей лозунга «власть черным» является настаивание на том, что их первейшая задача — дать негру самоуважение не только как индивиду, но и как члену негритянского сообщества. Они борются с распространившейся среди молодых негров и даже совсем маленьких детей тенденцией восхищаться теми, кто ухитряется выглядеть «белым и ухоженным», и подражать им вплоть до готовности «изувечить свои Богом сотворенные тела» (слова Малкольма Х) для достижения этой цели³¹. Они стараются преодолеть то, что было названо «комплексом негра и изнуряющим его предубеждением против самого себя»³². Корни этого предубеждения, по их мнению, кроются в интернализации негром образа, который был построен относительно него белым человеком и который тот непрерывно ему навязывает. Поэтому, говорит Малкольм Х, движение за гражданские права неверно сосредоточивает усилия на изменении образа негра, сложившегося у белого человека, ибо «мы не сможем изменить мнение белого человека о черном, пока не изменим наш собственный образ самих себя»³³.

Таким образом, безвластность негров обусловлена не отсутствием прав как таковых, а более глубокими причинами — статусом в обществе в целом, делающим права малозначимыми. До тех пор, пока сохраняется этот статус, мало кто из негров может действительно воспользоваться теми правами, которые у них есть, а те, кому удастся ими воспользоваться, неизбежно выведут-

²⁹ *Silberman C.E.* Crisis in Black and White. L., 1965. P. 149.

³⁰ *Baldwin J.* The Fire Next Time. L., 1963. P. 60.

³¹ *The Autobiography of Malcolm X.* N.Y., 1967. P. 129.

³² *Clark K.B.* Dark Ghetto: dilemmas of social power. L., 1965. P. 64.

³³ *Silberman.* Op. cit. P. 156.

ся из негритянского сообщества и ассимилируются в белое общество; они теряют свою негритянскую идентичность и, следовательно, не приобретают ни капли власти. Они, по словам Чарльза Силбермена, «кооптируются в бездействие», подобно Уильяму Дуусону, черному конгрессмену от Чикаго³⁴. Их базовый статус остается неизменным, и это, как пишет Джеймс Болдуин, можно увидеть по «несчастному тону, сквозящему в теплых приветствиях, с которыми многие либералы обращаются к равным по положению неграм»³⁵. Стереотип остается не поколебленным. Ибо (приведем еще одно в высшей степени пронизательное наблюдение Болдуина) «приходится делать выбор: либо “действовать подобно ниггеру”, либо *не* действовать подобно ниггеру, — и только те, кто испытал это, знают, насколько невозможно сказать, в чем тут разница»³⁶. Возьмем пару коротких примеров того, как обладание *полномочиями* не дает неграм *власти*. В одном округе, где 81% населения составляли черные, негры захотели соединить свою политическую организацию с национальной Демократической партией. Ничего у них из этого не вышло, поскольку партия не могла иметь в качестве официального отделения негритянскую организацию. Но как только они попытались создать собственную отдельную партию, их обвинили в том, что они разыгрывают «политику третьей партии»³⁷. Предпринимаются попытки дать неграм в некоторых черных гетто возможность реально управлять своими местными делами — иметь не просто номинальные права, а реальную власть. В одном районе группа религиозных лидеров недавно предложила собрать 10 млн. долларов на то, чтобы «помочь черным американцам в развитии политической и экономической власти» над их собственными местными делами³⁸. Но сделать это не очень-то и просто. Так, в другом месте люди, пытавшиеся помочь неграм развить самоуправление в области благосостояния, столкнулись с дилеммой: если во главе соответствующих организаций ставили негров, то им оказывалось чрезвычайно трудно собирать деньги; а если во главе их ставили белых, то это вызывало возмущение как «поддержка паттерна колониализма»³⁹. Иначе говоря, пока статус негров остается таким, какой он есть, ни права, ни «полномочия» не могут дать им возможности достичь власти. Они чувствуют, что должны со всей прямотой добиваться именно власти.

Трудно сказать, какой вес можно придавать публичным высказываниям лидеров движения, но, насколько мне известно, они призывают к «власти» не «над» кем-то или чем-то, а над самими собой и собственной жизнью. Многие

³⁴ *Ibid.* P. 204.

³⁵ *Baldwin.* Op. cit. P. 102.

³⁶ Цит. по: *Silberman.* Op. cit. P. 72.

³⁷ *Carmichael S., Hamilton C.V.* Black Power. L., 1968. P. 100–104.

³⁸ W.H. Ferri, in: *Saturday Review.* 15 June 1968.

³⁹ *Clark.* Op. cit. P. 173.

бы, думаю, согласились со словами Стокли Кармайкла, что «конечные ценности и цели состоят не в господстве над другими группами и их эксплуатации, а в реальной доле участия в совокупной власти общества»⁴⁰. В версии Малкольма Х, однако, таится жало в хвосте: «Мы не собираемся никого ниспровергать. Но и не готовы подставлять другую щеку. То, как сегодня развиваются дела, мы терпеть не намерены»⁴¹. В понятии власти, проходящем сквозной нитью через работы этих людей и тех, кто пытался их понять, «власть» противопоставляется фрустрации — фрустрации Я и группы, членом которой человек является. Это власть как возможность бежать от *anomie* мертоновского типа, как возможность достигать легитимных целей легитимными средствами. Считается, что ее нельзя завоевать через гражданские права, поскольку гражданские права предполагают ассимиляцию и интеграцию, а они, согласно Малкольму Х, являются «дымовой завесой хитрых северных либералов, скрывающей от глаз подлинные нужды американского чернокожего»⁴². Гражданские права, конечно, могут, по словам Кеннета Кларка, «дать неграм еще одни рычаги» для решения их проблемы. Но негритянские энергии, выпускаемые наружу движением за гражданские права, могут просто «выродиться в бессмысленный катарсис», так и не внося вклада в социальную трансформацию, только и способную осуществить их цели⁴³. Ибо движение «власть черным» не стремится к принятию в американское общество, как оно есть. Его цель — общество нового типа, подлинно многорасовое или, если вдруг это окажется невозможно, состоящее, как сказали бы некоторые, из независимых и равных расовых сообществ. Ближайшая задача понятна: она в том, чтобы заменить фундаментальную аномическую слабость негров новой внутренней силой (*power*), порождаемой самореализацией. Какими должны быть следующие шаги, никто не знает. Между уверенным началом и конечной целью простирается пропасть. Лучше всего будет, если я выражу свою мысль в виде положения, которое, по крайней мере, можно защищать. Учитывая нынешнее положение дел и прежде всего их прошлую историю, нельзя ожидать, что американские негры найдут в гражданских правах *источник* власти, который со временем превратится указанным мною ранее способом в *форму* самой власти. Им нужен прямой прорыв к власти, а права должны быть лишь приложением, ожидающим детального развития в будущем. Но тот вид власти, к которому такой прорыв мог бы привести, не является разновидностью господства с нулевой суммой (*authority zero-sum*), власти-над (*power-over*) или торговой власти (*bargaining-power*). Он в сущности тождествен амальгаме прав и власти, о которой я говорил, но только достигается иным путем.

⁴⁰ *Carmichael, Hamilton.* Op. cit. P. 204.

⁴¹ *Michael Abdul Malik.* From Michael de Freitas to Michael X.L., 1968. P. 204.

⁴² *The Autobiography of Malcolm X.* Op. cit. P. 349.

⁴³ *Clark.* Op. cit. P. 15.

Все мы видели прорыв к власти этого типа, осуществленный чешским народом. Мы могли бы отнестись скептически к незначительной либерализации тамошнего режима, если бы за ней не последовало впечатляющее открытие чехами своей коллективной идентичности перед лицом русского вторжения, увенчавшееся тем, что Милован Джилас назвал беспрецедентным и почти непостижимым «идеологическим, моральным и политическим поражением Советского Союза»⁴⁴. Я видел аналогичный прорыв в лагере для гражданских военнопленных в Германии, в котором провел четыре года во время Первой мировой войны. У нас не было полномочий, за исключением немногих, которые были нам делегированы и могли быть в любой момент аннулированы. Однако мы быстро развили огромную способность (power) упорядочивать паттерн и содержание нашего образа жизни, и в книге психолога Кетчума о Рулебене дан подробный анализ тех стадий открытия нашей идентичности, которые сделали это возможным⁴⁵.

Неизбежно возникает вопрос, применимо ли что-нибудь из сказанного к движению «власть студентам». Думаю, применимо. Конечно, есть студенческие лидеры, такие, как Кон-Бендит и Соважо, которые откровенно говорят, что намерены захватить университеты, чтобы сделать их базой для дальнейшего уничтожения капиталистической системы. Кто-то использует любую проблему как возможность бросить вызов властям и оскорбить их. Кто-то, несомненно, не ставит целей дальше проникновения студентов в академические бюрократии. Но есть еще другие, чьей, возможно, не вполне ясно сформулированной целью является новое понимание природы университета и места студентов в нем. Без этого простое право сидеть в комитетах и советах мало что может принести, если, конечно, студентам не предоставить в них половину мест, — но здесь мы переходим к совершенно иному типу власти. Это уже не власть, проистекающая из открытия идентичности и ее воплощения в новый уклад жизни, которая обростает с течением времени собственной политической и административной машинерией. А такой тип власти, который формируется и приравнивается для конфронтации с противостоящей властью (power) в ситуации, в лучшем случае, периодического коллективного торга или, в худшем случае, постоянного явного или скрытого конфликта. Признаюсь, когда я читал о конкордате между вице-канцлерами и Национальным союзом студентов, меня не покидало пугающее чувство, что события могут пойти в этом направлении. И немного отлегло от сердца, когда выяснилось, что дискуссии велись «на фоне распространенной в университетском кругу приверженности идее “академической общности”». Будем надеяться, что со временем этот фон выйдет на передний план.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

⁴⁴ *Djilas M.* Crisis for Communism — I // The Times. 10 October 1968.

⁴⁵ *Ketchum J.D.* Rühleben, a Prison Camp Society. Toronto, 1965. Part II.